

Месяц и три дня Авут и Рубиновые маски выполняли контракт, даже не думая уходить из выделенной им территории, бродя по ним раз за разом, тщательно проверяя каждую гору и долину, выискивая следы на лесных тропах и с высоких сосен да скал осматриваясь вокруг в поисках дымки от костра или колонны солдат. Доходило до абсурда – некоторые из воспитанников лезли в пещеры и ныряли под воду в небольших горных речушках и озерах, ища следы в иле и среди пыльных камней. Но все желающие напасть на Дорн словно повывелись, лишь единожды отряд в две сотни человек, отлично укомплектованных, как доспехами, так и конницей показался на горизонте. По такому событию Авут даже не стал придумать какой-либо план, объявив всем отрядам общий сбор и собрав их в один кулак, принялся ожидать прямо на пути у вторженцев, высоко подняв знамя и ошерившись всем оружием что есть. Словом, подзывая врага к бою, как это делали во времена молодости Патриарха, в родном для него мире. Его душа желала простой сшибки, такой чтобы кости затрещали от столкновения, а кровь полилась рекой.

Только враг как-то не спешил идти на приступ и только заметив наемников перед собой, для начала отправил вперед медленно перестраивающийся в линию клин пехотинцев, закованных в кирасы и шлема не хуже бедных странствующих рыцарей. Поразительная трата на простых солдат. Прасет же не стал играть в эти игры с переставлениями и попросту спустил большую часть воспитанников с поводка, которые тут же погребли под собой первые ряды просторцев, вгрызаясь в плотный строй неровной волной неорганизованных людей. Уже через десяток минут просторцы дрогнули и медленно двинулись назад, пока организованно, но все чаще бросая взгляды за плечо, явно мечтая о том, чтобы сбежать от сумасшедших, буквально обмазывающихся кровью врагов и бросавшихся на копья с мечами, словно те не могли нанести им вреда. Получившие свободу воспитанники буквально пьянели от дозволенности и наплевав на жизнь шли вперед, стремясь окунуть свой разум в эйфорию боли и убийства.

Рыцарь, видимо и возглавлявший этот отряд, подал знак рукой и двое оруженосцев подле него вскинули к небу две пики с флажками, замахав трепещущими синими змейками в воздухе, изображая какие-то фигуры, понятные лишь офицерам в рядах атаковавшей пехоты, тут же с криками перестроивших доверенный им арьергард и незамедлительно припустивших прочь от мясорубки со всеми своими выжившими солдатами.

Наемники, уже было бросившиеся следом за недобитками, еще не попавшими им в руки, с разочарованными визгами - так же замерли и вяло поплелись к командиру, стоило только прозвучать рваным щелчкам барабана.

На долгие двадцать минут поле боя замерло – оба отряда не спешили двигаться, оставаясь на местах и буравя взглядами врагов, замерших всего в полумиле от их рядов. Наемники попросту изнывали от желания броситься вперед, они словно одичавшие бродили в своих группах кругами, кричали и ругались друг с другом, иногда порывивая и хватаясь за оружие, иногда и вовсе выскакивая из общей массы, чтобы особо нелюбезно выругаться и оголившись потрясти частями тела на глазах у жителей зеленых холмов. В общем, попросту вели себя, как и всегда, когда им приходилось слишком долго, на их взгляд, ждать драки. В то же время среди

просторцев были видны лишь редкие шевеления, да перестройки в рядах, но куда больше они выглядели уставшими и явно не походили на тех, кто готов стоять еще дольше в доспехах под палящим светилом летнего Дорна и уж тем более сражаться с боевыми маньяками, только и думающими как умереть в драке, ведь их учитель забыл вложить в головы мальцов простой инстинкт самосохранения.

Первым не выдержал Авут. Махнув рукой и прищелкнув пальцами, капитан подозвал расположившегося подле своего скакуна Томмена Когтя и указал в сторону одного из всадников с гербовым щитом на противоположной стороне поля. Северянин понял все без проблем и взмахнув руками, ловко выудил из седельной сумки свой обожаемый лук из драконьей кости и вскинув, натянул тетиву и тут же отпустил, спуская стрелу. Мгновение понадобилось смертельному снаряду, с тихим свистом описавшего поляну по дуге, чтобы его блестящее острие, с глухим стуком вонзилось в череп флегматично всхрапывавшей лошади под указанным капитаном «масок» рыцарем. Животина дернулась, взмахнула мускулистой шеей, но тут же рухнула на подогнувшихся ногах, заваливаясь мордой в песок и утягивая за собой растерянного всадника. Наемники взвизгнули, зашевелились, задергались словно в припадке, все больше из них начали выскакивать из рядов, некоторые хватались за лук. Но громкий, грозный окрик Авута заставил их замереть.

И тут же ряды просторцев всколыхнулись – их офицеры закричали какие-то неразборчивые команды, пехотинцы в первых рядах панически отшатнулись или вскинули щиты, несколько из них тут же ринулись к завалившемуся рыцарю, прикрывая уже его и помогая вытащить зацепившуюся щитком ногу из стремя. Даже их казалось непоколебимый командир казался дрогнувшим, но уже через пару ударов сердца взял себя в руки и обернувшись, окликнул одного из своих телохранителей, тут же получившего на руки какой-то мешок и наставления.

Видя, как один лишь этот воин выдвинулся вперед, Авут неодобрительно нахмурился.

Не нужно было быть пяти пядей во лбу чтобы понять, что дело склонилось к переговорам, а по правилам рыцарства, за которыми почему-то крайне рьяно следил Томмен, следовало как минимум принять парламентаря и выслушать предложения оппонента. Но то что все разрешилось так скучно и быстро раздражало Прасета.

И конечно же это были переговоры, конечно же были разговоры о том, кто должен сдаться и на каких условиях, и конечно же обсуждали цену безболезненного ухода или возможности перекупить уже прославившийся (конечно же через шпионов и торговцев) отряд. Для поумерившего раздражение и жажду битвы Авута найти ответы ко всем этим вопросам и прийти к компромиссу, с большей выгодой для себя, конечно же, стало делом простым. Куда сложнее было убедить воспитанников в правильности и полезности такого решения. Но, что говорить, когда живительные, поучающие затрецины – способны на большее чем слова?

Помимо этого, небольшого и крайне неинтересного случая, была и встреча с бандой разбойников-горцев, словно заблудившихся в этих красных горах и в итоге пришедших к месту уже ставшей историей стычки между наемниками и двумя отрядами просторцев, видимо надеясь поживиться там остатками орудий с трупов. Что же, мародеры, успевшие до того немного насолить проходившему через горы торговому каравану, решившему нажиться на немного покачнувшемся Дорне, стали небольшой отдушиной для воспитанников.

День за днем как голодающие волки Рубиновые маски шныряли по окрестностям границы, выискивая следы и бросаясь на каждую непонятную точку у горизонта. Несколько раз Авут с отрядом возвращались в Блэкмонт или Звездопад, чтобы пополнить запасы, передохнуть, залечить раны и провести рокировку с теми, кто уже отлежался и свежими бойцами с получившим раны или вымотавшимся больше положенного, после чего наемники вновь уходили в горы и степи Дорна на патрули. И каково же было удивление Прасета, когда на третий раз посещения замка лорда Блэкмонта, его встретила та самая девица, с которой он провел несколько приятных часов в Солнечном Копье, доказывая кто же из них все же более страстный.

Впрочем, удивление Авута быстро прошло, ибо ночь близилась, и она так коротка. А в замках бывает так холодно и одиноко и так приятно когда кто-то скрашивает с тобой досуг... Но в целом, горячие пески Дорна и кучки кровожадных воспитанников были единственными спутниками Авута большую часть времени. Закаты и рассветы мелькали на горизонте, ветер трепал полы рваных и перештопанных одежд, да бил по обветренному, сухому лицу, в то время, как светило с какой-то детской ненавистью опалило любой неприкрытый участок кожи и заставляло вариться в собственной одежде и доспехах. Не спасали даже обмотки и то, что по большей части все носили лишь кольчугу. Лишь надежда на кровавую битву и прохладный ветер в горах спасали наемников.

За эти дни пришло несколько просьб и ответов на требования о выкупе просторцев из цепких лап мстительных дорнийцев, но лишь лорд Костейн сразу же прислал золото не только за всех рыцарей дома, но и за меч с доспехом своего брата, что передавались в их семье со времен деда, лишь чуть-чуть изменяясь по веяниям моды. Крестьянам же и простым пехотинцам пришлось заплатить за свою свободу всем снаряжением, не только своим, но и благородных сиров - Прасет велел оставить бывшим пленникам лишь некоторую часть копий, чтобы в случае чего они могли защититься. Фоссовеи же хоть и согласились с ценой, но крайне лениво собирали выкуп, явно таким образом преподавая урок попавшим в плен рыцарям. Несколько лордов по меньше так же соглашались, но просили подождать подольше, так как нужную сумму им придется собирать всем миром.

Но все кончилось - ворон принес письмо от Принца Дорана Мартелла, сообщавшего о прекращении контракта и просящего наемников вернуться в Солнечное Копье для получения оплаты и обсуждения дальнейших решений и предложений о службе. Авут с облегчением сообщил об этом своим парням и те с общим вздохом облегчения, понесли собирать свой нехитрый скарб - эта работа была самой скучной за все время наемничества Рубиновых масок и каждый в отряде был готов это подтвердить да позавидовать тем, кто дрался больше других или вовсе помер и не видит всего этого. Новички в отряде не понимали к чему такие порывы, но воспитанники Авута лишь с превосходством зыркали на свежий набор, высокопарно изрекая фразу: «Так учил господин и таково его желание...», и сооротив умную мину - уходили в ближайшую таверну. Можно сказать, что лишь золото, уже позвякивавшее в карманах и обещанное по контракту радовало их больше чем воспоминания о славной военной компании в Вольных Городах.

Авут принял приказания, пока своего нанимателя и даже отослал большую часть отряда в сторону Солнечного Копья, но собственноручно не спешил его выполнять. А поступил наемник даже наоборот - собрав полсотни человек, из самых крепких и целых парней, и по паре лошадей для каждого, он выдвинулся в спешном темпе в сторону границы, где соединялись

Простор, Штормовые земли и Дорн, но в то же время намного дальше.

Что-то звало его, царапало изнутри, разрывая внутренности при каждой попытке отмахнуться от ощущений - ведя за собой, как абстрактный поводок, готовый в любой момент сомкнуться на шее, впиваясь взявшимися из ниоткуда шипами в кожу и плоть. Авут видел то, что у него есть цель буквально в каждом предмете, легко трактуя его как знамение, и не важно - упало ли копье несколько раз наконечником в одну сторону, посмотрел ли на него огромный черный ворон, каркнул и перелетел на следующую ветку, на дереве чуть подальше, или же и вовсе кровь из пореза образовывала на столе какое-то жалкое подобие стрелки. Для Прасета это были указатели, по которым он вел следующую за ним половину сотни воспитанников.

Мимо них проносились деревеньки и поля, перебиваемые лесами, лугами и холмами с речушками. Пару раз они проходили в паре десятков миль от высившихся над землей замков лордов, вдоль которых тянулись реки и небольшие городки. Лесные дорожки тянулись для них извилистыми змеями, зажатыми высокими деревьями, а дороги, построенные еще во времена когда люди не совсем смирились с завоеваниями валирийцев - стоящими до сих пор и остающихся самым удобным путем передвижения, что заметно выигрывал у пыльных накатанных трактов и неумело положенных гальковых дорожек.

День тянулся за днем и после полутора недель пути, за которые Рубиновые маски обошли больше половины Штормовых земель и увидели много всего, отряд все же вышел к цели. Это Авут понял по исчезновению тянущего за ребра чувства и настоящей осаде, развернувшейся вокруг высокого замка, окруженного городом, что расположился в небольшой гавани на каменистом берегу. Несколько башен уже были разрушены требушетами, установленными на ближайших холмах, поля вокруг были сожжены и вытоптаны, а пристенковая деревенька разграблена и отчасти превращена в щиты для отрядов арбалетчиков и лучников, вынужденных стоять вблизи от врагов. Возле изолированного целой парой стен и тяжелых ворот городского порта застыли на якоре несколько галер под флагом синего морского конька.

Разузнать все об этом месте было делом десятом. Пьяные скучающие осаждающие с радостью делились своими предположениями и мнением о походе, даже офицеры и рыцари - без зазрения совести мявшие сиськи армейских шлюх - говорили без умолку обо всем что знали, если кто-то приносил им новый бурдюк с вином.

Место называлось Сумеречный Дол, в честь замка посреди него, - это был портовый и довольно богатый город, что уже довольно давно находился во владении семьи Дарклинов. Но вот осада велась на него совсем не из-за того, что лорд не платил налоги или драл цену с торговцев. Нет, Денис Дарклин - нынешний глава клана - поднял собственное небольшое восстание, провернув несколько очевидных комбинаций по науськиванию своей жены и захватил короля Эйриса II Таргариена в плен, и грозитя убить того вот уже полгода, удерживая неизвестно живого ли еще монарха в темнице.

Десница же короля, Тайвин Ланнистер, видимо окончательно потерявший терпение за время стояния под стенами города, вот уже целую неделю планомерно готовился к штурму, не смотря на все увещевания о неминуемой смерти Эйриса, заявляя, что у Таргариенов в таком случае есть наследник получше.

До самой ночи Авут и его воспитанники бродили по лагерю осаждающих и собрались да разобрались в ситуации только когда в черном небе раскрылось слепое око луны.

Прасет боролся с тем чтобы выбрать сторону заговорщиков, подчинившись желанию пойти против всей армии и, возможно, целой страны, превратив ее реки с озерами в кровавые потоки да лужи. Но в то же время Авут осознавал, что слишком рано для такого. Слишком рано для его великой смерти в окружении врагов, будучи тем, кто навел такой шорох, который будут помнить еще много веков, ведь у него еще оставался сын. А смерть Авута означала оставить еще неокрепший, только зарождающийся клан Прасет без Патриарха на растерзание миру.

Не зря же Авут оставлял для себя эту тормозную подушку, заранее предугадав неуместный момент, когда желания особенной бойни начнут одолевать его? Ведь он так долго мечтал об этом и его уход должен стать чем-то особенным, а не походить на побег из родного мира, словно малое дите что сбежало из дома... Дите охранявшее клан на протяжении нескольких тысячелетий, в качестве ручного бедствия, пусть и считающегося сказкой о древних временах, но все еще способного погresti под землей целую страну со всей архитектурой с достижениями, и уничтожить пятую часть континента при плохом настроении и отсутствии того, кто сможет образумить.

Появившаяся мысль начать бойню прямо сейчас, посреди этой толпы вылетела из головы столь же легко и быстро, как и появилась. Как мимолетный ветерок...

Каркнул серый ворон, взмывший в небо с флагштока реющего над палаткой с изображением герба с плугом. Среди темноты потушенных факелов из тканевых «дверей» выскользнула фигура с серых, посредственных одеждах и без доспехов, что устремилась напрямиком к порту Сумеречного Дола.

Авут расплылся в улыбке, как и проследившие линию взгляда командира воспитанники - по крайней мере им не придется сдерживать свое дикое нутро в ожидании штурма. Судьба предоставила им шанс развлечься раньше остальных.

Все в той же полутьме, группа из полусотни людей незаметно шмыгнула в редкий лесок и двинулась по его краю в след за одиноким диверсантом.

<http://tl.rulate.ru/book/48855/1267415>